

DOI: 10.19195/0137-1150.171.1

Data przesłania artykułu: 23.06.2018

Data akceptacji artykułu: 17.03.2019

TATIANA VENDINA

Институт Славяноведения РАН, Rosja

Диалектное слово: новые направления в его исследовании *

Интерес к изучению диалектного слова появился давно. Долгое время, однако, этот интерес находился лишь на уровне поисков этнографической экзотики, сродни интересу к предметам и поверьям „простонародной старины”. Лишь значительно позднее, когда сформировалось понятие диалекта как исторически развивающейся языковой категории и в качестве самостоятельной дисциплины из этнографии выделилась диалектология, интерес этот, из чисто любительского, превратился в сугубо научный.

Оформление в качестве самостоятельной научной дисциплины диалектологии выдвинуло в качестве первоочередной задачу изучение диалектного слова в ареальном аспекте. Однако реализация этой идеи была сопряжена с определенными трудностями, поскольку еще не существовало методологии изучения диалектного слова не только в ареальном, но и лексикографическом аспекте.

Следует признать, что изучение диалектного слова методами лингвогеографии, сам процесс ее становления как науки был довольно трудным и не всегда триумфальным: в начале XX в. результаты лингвистической географии часто ставились под сомнение. Вспомним хотя бы, как много нападок выдержал лексический атлас Ж. Жильерона, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях, так что вообще стали сомневаться в понятии диалекта. И только лишь в конце XX в. лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов.

---

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-04-00013 „Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект”).

За прошедшие сто лет многое изменилось в лингвогеографических исследованиях: сложились новые представления о типах атласов и карт, их репрезентативных возможностях в решении этноязыковых и культурно-исторических задач. В то же время следует отметить, что на протяжении всего XX в. в лингвогеографии удивительно устойчивой была научная идеология в изучении диалектного слова, ее, так сказать, приоритеты, поскольку в центре внимания диалектологов находились прежде всего факты диалектной фонетики, которые оценивались как наиболее важные при определении диалектных различий.

Это во многом объясняется тем, что в диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к лексике и словообразованию как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Объяснение, как представляется, следует искать в самом феномене фонетических диалектных различий, поскольку на уровне фонетики диалектные различия прослеживаются действительно ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, они охватывают огромное количество слов, поэтому именно фонетические признаки были долгое время в центре внимания диалектологов, и лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется и тот факт, что в программах многих диалектологических атласов было, как правило, мало вопросов, относящихся собственно к лексике и словообразованию. Если попытаться проанализировать корпус вопросов, включаемых обычно в программы диалектологических атласов, то окажется, что многие атласы, при всем различии стоящих перед ними целей и решаемых в них задач, объединяет сам принцип отбора материала: наиболее полное освещение в них получают факты фонетики как самые релевантные при решении вопроса о диалектной дифференциации национального языка. Что касается лексических различий, то хотя в словарном составе языка они признаются „структурно наиболее значительными”¹, однако важность их, как правило, недооценивается, в связи с чем отражение их во многих атласах носит несистемный и фрагментарный характер.

Осознание ограниченности знаний по географии диалектной лексики и в то же время необходимость в установлении точных ареалов диалектных слов побуждали исследователей восполнять этот пробел путем включения лингвистических карт в диалектные словари. Образцом такого сочетания диалектной лексикографии с лингвистической географией послужила польская серия диалектной лексикографии под редакцией Витольда Дорошевского, а позднее Мечислава Шимчака *Ślownictwo Warmii i Mazur*. Опыт польских ученых был использован и российскими учеными при создании Псковского

¹ P. Ivič, *Opyt strukturnoj klassifikacii dialektnyh različij v slavânskoj âzykovej oblasti*, [v:] *Obšeslavânski lingvističeskij atlas. Materialy i issledovaniâ*, Moskva 1963, s. 19.

областного словаря, в 1-ом и 2-ом выпусках которого содержится несколько словарных статей, сопровождаемых картами. Однако такой способ репрезентации материала в словаре был довольно редким явлением, в связи с этим в лингвистической географии все острее ощущалась необходимость создания лексических атласов, которые позволили бы выяснить границы распространения диалектного слова на всей территории того или иного языка.

Лексикографическое изучение диалектной лексики, особенно интенсивно начавшееся после Второй мировой войны, существенно расширило представления о составе и характере диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Работы диалектологов позволили выявить структуру многих семантических групп, а также выяснить, в каких семантических сферах языка эти диалектные различия возникают чаще всего и с чем они оказываются связаны с разным обозначением тех или иных понятий, с разной морфемной структурой однокоренных слов, с разной семантикой одних и тех же слов, или наличием/отсутствием тех или иных слов при обозначении реалий внешнего мира. Так со временем пришло осознание не только необходимости, но и перспективности изучения диалектного слова методами лингвогеографии.

Существующие сегодня региональные лексические атласы (например, *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР* (ч. 1–3 Ужгород, 1958–1993) Иосифа Алексеевича Дзензелевского, *Лексичний атлас Правобережного Полісся* (Київ-Житомир, 1994) Николая Васильевича Никончука или *A Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language* (Warszawa, 1996) Януша Ригера, *Лексический атлас Московской области* (Москва, 1991) Анастасии Филимоновны Войтенко и др.) реально доказали плодотворность исследования диалектной лексики методами лингвогеографии. На картах этих атласов не только четко вырисовываются ареалы отдельных слов, но и прослеживается географическая повторяемость границ распространения целого ряда слов, принадлежащих к различным тематическим группам лексики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во всех этих атласах при отборе лексем для картографирования использовался не системный, а дифференциальный подход, стремление представить в Атласе только те диалектные слова, которые являются специфическими для данной местности или же дают ярко выраженные ареалы.

Сегодня логика развития славянской лингвистической географии поставила перед диалектологией вопрос о необходимости создания лексических атласов принципиально нового типа. В их основе должен лежать не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала, ибо существовавший долгое время в лингвогеографии дифференциальный подход к картографическому освоению диалектной лексики „не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование

в сравнительно-типологическом”². И таким принципиально новым атласом является опубликованный в 2017 г. *Лексический атлас русских народных говоров* (далее ЛАРНГ).

Что же такое системный принцип в лингвогеографическом изучении лексики?

Системный подход к отбору материала предполагает прежде всего равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка. Включение в программу лексического атласа лексики литературного языка мотивируется не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк общенародного словарного запаса, игнорировать который нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений дает возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

Несмотря на то, что идея системного подхода к лингвогеографическому изучению диалектной лексики является уже далеко не новой, системный принцип к ареальному исследованию диалектной лексики не мог быть реализован ранее вследствие недостаточной ее изученности и отсутствия соответствующих диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Даже в 60-е годы, когда наблюдается оживление идеи изучения диалектного слова методами лингвогеографии, ситуация в принципе не меняется. Поэтому до настоящего времени в лингвистической географии приходится изучать отдельные частные лексические диалектные различия, нередко малосвязанные или вовсе не связанные друг с другом.

Однако общий подъем лексикологических исследований диалектной лексики, ориентированных на выявление системных отношений, преодоление научного скепсиса в правомерности применения понятий „системы”, „системности” к лексике и семантике, а главное — успехи, достигнутые лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования, убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его описанию.

Таким образом, возросший интерес к лингвогеографическому изучению лексики, а также общее развитие лингвистической географии со всей остротой поставили перед диалектологией вопрос о необходимости создания лексического атласа, построенного на принципиально иной основе. Таким принципиально новым подходом должен был стать системный подход к принципам отбора и картографирования материала.

² N. I. Tolstoj, *Ob izučenii polesskoj leksyki*, [v:] on že, *Izbrannye trudy*, t. 1, Moskva, s. 245.

Подход к языку как к системе при разработке Программы ЛАРНГ выразился и в том, что в ней последовательно проведено разграничение собственно лексических фактов и фактов, относящихся к другим сторонам языка.

Системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов Программы учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике. В основе этих связей лежат принципы подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части. Поэтому в вопросник Программы были включены родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т. е. все то, что составляет понятие системных отношений в лексике (ср., например, следующие вопросы Программы ЛАРНГ: ‘лес’ (о. н.); ‘лиственный лес’ (о. н.), ‘хвойный лес’ (о. н.); ‘смешанный лес’ (о. н.); ‘молодой лес из деревьев разных пород’; ‘старый лес из деревьев разных пород’ и т. д.).

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели Программы ЛАРНГ.

Программа ЛАРНГ включает более 5 тыс. вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающих специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров. В основу составления вопросника был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа простираются от Белого до Черного моря, а на востоке — до Урала), Программа строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов — природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология); человек (анатомические названия, различные особенности человека, характеристика личности, социальные отношения; семья и семейные отношения; народная медицина); трудовая деятельность (полеводство, огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, ткачество, промыслы: рыболовство, охота; ремесла: плотницкое, гончарное, кузнечное дело); материальная культура (крестьянское жилище, хозяйственные постройки, строительство; домашняя утварь, крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения); питание (пища, напитки и их

приготовление); пути сообщения и средства передвижения (дорога, зимняя дорога, летняя дорога, лесная дорога, дога в поле, телега, телега для перевозки снопов, телега для перевозки бревен и т. д.); традиционная народная духовная культура (верования, обряды, праздники, развлечения, игры). Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы, большая часть которых будет представлена отдельными томами ЛАРНГ. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

И в этой тематической емкости Программы ЛАРНГ также заключается его новация.

Новацией ЛАРНГ является и четко разработанная система картографической репрезентации диалектного материала. В основу принятой в атласе картографической концепции был также положен принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса.

Каждую карту ЛАРНГ сопровождает обширный комментарий, который включает такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристика картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятая система картографических средств, указания на сомнительные названия, которые дисквалифицируются автором по той или иной причине, замечания эксплораторов и другую информацию. Такой содержательно емкий комментарий отличает ЛАРНГ от других лексических атласов, где подобные комментарии, как правило, отсутствуют.

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю непосредственно соприкоснуться с диалектным словом. Этот иллюстративный материал имеет своей целью не просто показать „жизнь слова” в диалекте, но и обосновать его появление на карте. Так, например, на карте „Растущее дерево” представлена лексема ветки, которая, с точки зрения языкового сознания носителя литературного языка, как будто бы должна быть снята с карты, однако приводимый в комментарии иллюстративный материал убеждает в правомерности ее включения, ср.: *До тех веток минут сорок ходьбы* (п. 1053); *Ветки — это большие деревья, а если маленькое, то веточки* (п. 636).

Завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом атласа, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

ЛАРНГ отличается от существующих национальных атласов и репертуаром своих карт, поскольку во многих атласах содержатся в основном лексические карты. В ЛАРНГ помимо лексических карт, широко представлены словообразовательные, лексико-словообразовательные, семантические,

мотивационные и даже номинативные. Если материал, представленный на карте, отличается высокой степенью словообразовательной вариативности (многообразием корней или аффиксальных средств, как, например, на карте ‘белый гриб’), затрудняющей ее прочтение, то он подается в обобщенном виде на карте-дубль, сопровождающей основную карту. Такой способ репрезентации материала, являющийся также новацией в ЛАРНГ, позволил более четко представить картину дифференциации русских диалектов.

Работа над созданием первого тома ЛАРНГ Растительный мир дала возможность оценить концепцию атласа, методику отбора, интерпретации и картографирования материала.

Оправдал ли себя системный подход к лингвогеографическому изучению лексики?

Сегодня, когда опубликован первый том атласа *Растительный мир*, можно с полной уверенностью сказать: „Да, оправдал”. На картах атласа мы постоянно наблюдаем явление семантической, лексической и словообразовательной корреляции лексем, являющейся проявлением системности в организации этой семантической сферы.

Системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. При этом обнаружилось, что на картах ЛАРНГ устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Такая лексическая дробность русского диалектного ландшафта говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах ‘густой лес’ или ‘чаща, дремучий лес’). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко показать ареалы картографируемых лексем.

Материал ЛАРНГ говорит о том, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала открыл перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии и в целом русистики:

1. Прежде всего следует отметить обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта ЛАРНГ выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как *Словарь русских народных говоров* (СРНГ).

2. На лексико-словообразовательных и семантических картах ЛАРНГ у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые также не зафиксированы в СРНГ. И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта.

3. Материалы ЛАРНГ позволили уточнить ареалы многих диалектных слов, зафиксированных ранее в СРНГ: так, например, на карте „Рыжик”

представлена лексема *боровик*, которая сопровождается в СРНГ пометой *твер.*, между тем как эта лексема имеет обширный ареал в севернорусских — архангельских, вологодских, костромских, вятских говорах, а также в некоторых южнорусских, в частности, курских. И в этом смысле материал ЛАРНГ являются серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям.

4. Любая карта ЛАРНГ, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карту ‘дождевой гриб’, ярко иллюстрирующую креативность языкового сознания диалектоносителей, ср.: *ба́нька, бздю́ха, дождеви́к, поддожде́вик, дымáрь, дымóк, пéчки, порха́вка, порохови́к, пúховка, пылеви́к, пúхалка, табáк, табáчник, хлопúшка, ворóньи яйца, дожде́вые яйца, ва́нька-бздун, ва́ська-топись пéчка, за́ячья карто́шка, мыши́ная ба́ня, во́лчий табáк, медве́жий табáк, де́душкин табáк* и др.).

5. Материал ЛАРНГ позволяет составить представление о диалектной словообразовательной производности: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектная речь в этом плане значительно богаче литературного языка. На картах ЛАРНГ можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не характерны для литературного языка (см., например, карту ‘молочай’, где представлено множество таких моделей, которые находятся друг с другом в отношениях корреляции: *молока́й ~ молочáй, молока́йник ~ молочáйник, молока́льник ~ молочáльник, молока́н ~ молочáн, молока́нник ~ молочáнник* и т. д.).

6. В ЛАРНГ представлены новые типы карт, так называемые мотивационные (см., например, карты ‘больной, низкий, кривой нестроевой лес’ или ‘здоровый, высокий, прямой строевой лес’). Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского макрокосма, как лес. Соотношение мотивационных признаков на этих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах ведущим среди мотивационных признаков является функциональный.

7. Лингвогеографический анализ материалов первого тома ЛАРНГ позволил уже на этом этапе выявить типологию диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Это прежде всего лексические диалектные различия. Они представлены на каждой карте атласа, причем даже на таких картах, где их ожидать как будто бы трудно (см., например, карту ‘лес’ (о. н.), которая свидетельствует о том, что, в отличие от литературного языка, в диа-

лектах имеется довольно широкий репертуар лексем, являющихся общим названием леса: *лес, бор, дубрава, дуброва, гай, ляд, лядина, нива, роща*).

Еще шире представлены лексико-словообразовательные различия. Несмотря на то, что большинство вопросов Программы ЛАРНГ ориентировано на выявление лексических различий, собранный материал позволяет представить на карте и лексико-словообразовательную дифференциацию диалектов (ср., например, карту ‘голубика’, иллюстрирующую распространение лексем *голубика, голубица, голубига, голубель, гонобобель, пьяника, пьяница, дурника, дурница, дураха* и др.).

В Программе ЛАРНГ нет специальных вопросов, нацеленных на выявление грамматических различий, однако они часто сопутствуют лексическим и получают свое отражение на карте, см., например, карту ‘полынь’, где на карте-дубль показаны различия в родовой принадлежности лексем *полын* и *полынь*, которые в диалектах могут быть как женского, так и мужского рода, ср. следующие иллюстрации: *Силов нету огород образить — вот один полынь горький растёт* (п. 676); *Горькая полынь растёт в саду у меня* (п. 346).

В ЛАРНГ представлены новые типы карт, так называемые мотивационные, которые позволяют проследить диалектные различия, связанные с мотивационными признаками картографируемых слов. Так, например, на мотивационной карте ‘подорожник’ помимо локативного признака, широко распространенного во всех диалектах русского языка (ср. *поддорожник, придорожник, попутник, попутчик, припутник, тропинник, тропняк*), представлен акторный признак, актуализирующий сему ‘результат действия’ (ср. *топтун, топтунец, конотоп, перетоп*), функциональный, указывающий на назначение растения (ср. *лечёбник, кровену́ск, кровехлёб, ранник, порезник* и др.), реляционный, устанавливающий отношения подобия (ср. *ба́бка, до́ктор, соба́чий язы́к*).

Карты ЛАРНГ говорят и о существовании номинативных диалектных различий, связанных со своеобразием номинативной логики в „ословливаннии” окружающего мира. Лексическая детализация языка той или иной частной диалектной системы нередко оказывается разной, поэтому в одних диалектах существуют одни номинативные принципы освоения семантической сферы „Растительный мир”, а в других — иные. В связи с этим отдельные участки этой семантической сферы могут не иметь соответствующих однословных номинаций, см., например, карту ‘тонкий высокий лес’, где наряду с лексемами *высокорь, в́искарник, высоко́рник, в́испарь, высотник, жерди́нник, жердо́вник, подлэсок, слэ́жник, слежняк, тонколэс, тонкомёр, тонкостой* и др. представлены описательные конструкции *во́льный лес, го́нкий лес, жердево́й лес, жи́дкий лес, лесина лега́вая, выно́систый лес, рва́ный лес, вытяжно́й лес* и др.

Материалы карт ЛАРНГ свидетельствуют о неравномерной диалектной расчлененности русского диалектного континуума, поскольку на разных

картах степень его лексической и словообразовательной дифференциации не одинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (в связи с чем для достижения наибольшей наглядности было необходимо составление карт-дублей, см., например, карту 'поляна', которая имеет три таких карты), на других — более ровная, характеризующаяся, например, двумя-тремя ареалами, а иногда даже монотонная (см., например, карту 'осина').

Однако большинство карт ЛАРНГ демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления в глоттогенетическом аспекте.

Системный подход к лингвогеографическому изучению диалектной лексики реально доказал, что русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту 'лес, растущий на болоте': *болóтник, болотня́к, мокрýтник, омшáра, топля́к, топня́к, со́гра, со́хра, шóхра* и др.).

8. Построенный на принципиально иных началах, нежели большинство славянских атласов, ориентированный прежде всего на системный подход в изучении диалектной лексики, ЛАРНГ является одним из важнейших источников лингвистической гносеологии, изучающей когнитивную функцию языка. Системный подход к изучению диалектной лексики дал возможность рассмотреть ее в рамках отдельных микросистем, так как каждый том ЛАРНГ будет посвящен определенной семантической группе: первый том посвящен растительному миру, второй том будет посвящен лексике животного мира, третий — ландшафтной лексике, четвертый — метеорологии и т. д. Такая организация материала делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономазиологическое устройство лексической системы русских диалектов и позволит более четко эксплицировать различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю. Карты ЛАРНГ позволяют проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком, т. е. в конечном счете к когнитивному акту, к самому механизму взаимодействия жизни и языка.

Работа с материалами ЛАРНГ показала, что в чрезвычайно раздробленной семантической сфере „Растительного мира” существует своя логика, отличная от литературного языка, т. е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. Методика системного анализа лексики дает возможность выявить сходства и различия диалектов в устройстве их языковой картины мира, т. к. языковая нагрузка на разных семантических участках этой карти-

ны оказывается разной. Об этом ярче всего свидетельствуют номинативные карты ЛАРНГ, которые говорят о том, что в одних диалектах для обозначения той или иной реалии внешнего мира существуют однословные номинации, тогда как в других — только описательные конструкции (ср. в связи с этим номинативную карту „Больной, низкий, кривой нестройной лес”, на которой отчетливо видно, что в севернорусских говорах преобладают однословные номинации: *болóтник, валéжник, вилáжник, дрéвняк, коря́жник, криву́жник, сухáрник, сухостóй, сушн́як* и т. д.), тогда как в западной группе русских говоров преобладают описательные конструкции (*болнóй лес, гнилóй лес, горбáтый лес, дрóвяной лес, чумнóй лес* и т. д.).

Системный подход к изучению диалектной лексики этого тома позволил выявить следующую особенность в ее организации: ключевые слова каждого номинативного участка семантической сферы „Растительный мир” (например, *лес, дерево, луг, трава, ягода, гриб* и др.) являются, производными с синхронной точки зрения, что объясняется не только древностью этих слов, но и их функцией в лексической системе языка как слов идентифицирующих, призванных служить адекватному восприятию. Вместе с тем словообразовательная производность этих лексем компенсируется многочисленными дериватами, характеризующими каждый номинативный участок этой многоуровневой гетерогенной семантической сферы с самых разных точек зрения, благодаря чему ее семантическое пространство обладает высокой степенью расчлененности. При этом разные участки семантической сферы „Природа” лексически проработаны не одинаково. И эта неравномерность в распределении смысловой информации является ярким свидетельством проявления жизненных интересов диалектоносителей³.

Если попытаться представить структурную организацию семантической сферы „Растительный мир” с точки зрения ее словообразовательной, семантической и мотивационной расчлененности, то схематически это можно выразить следующим образом:

человек → 1) 2) 3) 4) 5)

1 лес; 2 травы и цветы; 3 грибы; 4 ягоды; 5 деревья

Такая картина иерархии семантически и мотивационно структурированных участков семантической сферы „Растительный мир” говорит о векторе движения по шкале значимостей при „ословливание” окружающего мира, когда глубоко осмыслено и детально проработано в языке то, что является важным для человека. Тем самым материалы ЛАРНГ позволяют составить представление о том, что является значимым для человека в его восприятии мира природы.

³ Подробнее см. Т. I. Vendina, *Leksičeskij atlas russkih narodnyh govorov i leksika prirody v lingvognoseologičeskom aspekte*, [v:] *Leksičeskij atlas russkih narodnyh govorov. Materialy i issledovaniâ*, Sankt-Peterburg 2016, s. 121.

9. Таким образом, системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволяет сделать вывод, что природа является артефактом культуры. Лексическая богатство семантической сферы „Природа” свидетельствует о том, что для человека традиционной духовной культуры взгляд на окружающий мир оказывается не менее важным, чем взгляд на „самого себя”.

В этом смысле материалы уже первого тома атласа Растительный мир, давая возможность увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта, позволяют взглянуть на русскую природу сквозь призму диалектного слова. Они говорят о том, процесс номинации является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое.

Итак, благодаря *Лексическому атласу русских народных говоров* лингвистическая география XXI в. обогатилась новой парадигмой исследования, ибо само ее развитие как науки привело к необходимости создания лексических атласов нового типа. Можно надеяться, что системный принцип к картографическому освоению диалектной лексики, лежащий в основе ЛАРНГ, даст мощный импульс развитию теории лингвистической географии и будет, несомненно, способствовать рождению новых идей как в осмыслении картографируемого материала, так и в решении проблем структурно-типологических методов лингвогеографии.

Библиография

- Ivič P., *Opyt strukturnoj klassifikacii dialektnyh različij v slavânskoj âzykovoju oblasti*, [v:] *Obšeslavânskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovaniâ*, Institut russkogo âzyka RAN, Moskva 1963.
- Tolstoj N. I., *Ob izučenii polesskoj leksyki*, [v:] on že, *Izbrannye trudy*, t. 1, Âzyki russkoj kul'tury, Moskva 1997.
- Vendina T. I., *Leksičeskij atlas russkih narodnyh govorov i leksika prirody v lingvognoseologičeskom aspekte*, [v:] *Leksičeskij atlas russkih narodnyh govorov. Materialy i issledovaniâ*, Institut slavânovedenâ RAN, Sankt Peterburg 2016.

Dialective word: New directions in its research

Summary

The paper deals with the history of linguistic geography research of the Russian dialect lexicon. The author proves that the progress of dialectology as a science has lead to the need of a new type of lexical atlases. *The Lexical Atlas of the Russian Dialects* is an atlas of this kind. The paper gives a detailed description of its innovations and an assessment of the systemic approach it is based on.

Keywords: dialectology, linguistic geography, *Lexical Atlas of the Russian Dialects*

Диалектное слово: новые направления в его исследовании

Резюме

Статья посвящена истории лингвогеографического изучения диалектной лексики. Автор доказывает, что развитие диалектологии как науки привело к необходимости создания лексических атласов нового типа, каким является *Лексический атлас русских народных говоров*. В статье подробно описываются инновации этого атласа, дается оценка лежащего в его основе системного подхода.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, *Лексический атлас русских народных говоров*